

Ло Хэюй перед ним мгновенно принял вид человека, обратившегося в полный слух.

Стоило Сяо Чжоцину извлечь из цитры несколько отрывистых звуков, еще не успев толком убрать руку, как Ло Хэюй хлопнул в ладоши и восхищенно воскликнул:

– Какая мелодия!

Сяо Чжоцин замер:

– ...Евнух Ро, струны просто ослабли, этот подданный их настраивает.

Ло Хэюй: – ...

Сяо Чжоцин опустил взгляд, из вежливости не став разглядывать неловкое выражение лица Ло Хэюя, и легким движением руки вернул расслабленные струны в надлежащее натяжение.

Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь узорчатое окно, падали на цитру, и древний инструмент покрылся мягким матовым блеском, отчего лежавшие на нем руки казались еще более тонкими и беломраморными, точно изваяние бодхисаттвы из нефритовых костей.

Стоило ему снова провести пальцами по струнам, как чистое, глубокое звучание разгладило даже брови Сяо Чжоцина.

Непринужденная и величественная мелодия сама собой полилась из-под его пальцев.

Звуки цитры заполнили просторный зал, и уже через несколько мгновений даже проходившие мимо дверей евнухи и служанки остановились, с любопытством заглядывая внутрь.

Молодой чиновник в просторных одеждах сидел за столиком; его рукава спадали с тонких запястий, обнажая изящные, подобные бамбуковым стеблям пальцы.

Стоило ему сделать пару легких пассивов, как по залу разнеслось дивное звучание. Погруженный в игру, он опустил холодные, отрешенные, словно покрытые инеем брови, а ресницы

отбрасывали тени на щеки. В лучах косого солнца его осанка казалась еще более величественной – прямо как у живого божества.

Закончив играть, он поднял взгляд, и в тот миг, когда уголки его губ тронула легкая улыбка, словно прорвался первый свет зари.

– Евнух Ро, – произнес он. – Это вторая часть сюиты «Шаг по луне в осеннюю ночь» под названием «Первый уход в лазурное море».

Ло Хэюй на мгновение опешил, а затем сообразил: Сяо Чжочин лишь щадил его гордость, помогая сгладить неловкость от только что пережитого конфуза.

– Музыкальное мастерство молодого господина Чжочина поистине легендарно! – сделав короткую паузу, евнух расплылся в улыбке и принялся наперебой расточать похвалы: – Даже такой тупица, как этот раб, сразу понял – какая удивительная цитра, какая дивная мелодия!

Сяо Чжочин с легкой улыбкой убрал руки и только хотел заговорить, как заметил на возвышении еще одного человека.

Не пойми куда запропастившийся Фэн Юаньси объявился неизвестно когда и теперь неподвижно стоял перед императорским тронем. Он заслонял собой свет, и Сяо Чжочин не мог разглядеть его выражения лица.

...Этот человек ведь не любит музыку, неужели он снова начнет швыряться стрелами?

Сяо Чжочин слегка замер.

Однако в следующий же миг, стоило их взглядам встретиться, Фэн Юаньси отвернулся и принялся с озабоченным видом скормливать куски мяса сидевшему на насесте Дунцзюню.

Глядя на его равнодушный вид, Сяо Чжочин слегка успокоился.

Раз нет интереса – и славно. Иначе, приди он с малым числом людей, кто-нибудь из них точно угодил бы в золотую колонну, и выковыривать беднягу пришлось бы долго.

Слуги во дворе разбежались кто куда, а Сяо Чжочин поднялся и поклонился Фэн Юаньси:

– Этот подданный приветствует Ваше Величество.

Скрытый спиной Фэн Юаньси, Сяо Чжочин не видел, как Дунцзюнь с брезгливостью отвернулся, уворачиваясь от куска, который император пытался запихнуть ему в клюв.

Оно ведь только утром плотно пообедал, едва успел задремать, как его снова подняли и принялись силой пичкать едой – птицу уже откровенно тошнило.

Орёл плотно сжимал острый клюв, увертываясь от назойливой руки, так что золотая подставка под ним жалобно дребезжала. Но Фэн Юаньси и не думал оставлять его в покое: прихватив птицу за шею одной рукой, он протолкнул кусок мяса прямо в раскрытый клюв и лишь после этого обернулся.

– Встаньте.

Дунцзюнь от переизбытка еды даже вытаращил глаза, и он не мог издать ни звука.

– *

Не прошло и дня с тех пор, как они начали занятия, а император уже научился позволять подданным подниматься с колен. Неужели слова мудрецов и впрямь обладают такой силой?

Сяо Чжочин был слегка озадачен.

Первый день занятий подошел к концу. Не упоминая о заданном накануне уроке, он просто продолжил излагать материал текущего дня.

Лишь закончив лекцию и собирая книги в короб, он по привычке обронил:

– Что до трех разобранных сегодня текстов, прошу Ваше Величество переписать их по пять раз и выучить наизусть. Завтра на уроке я устрою проверку, – сказав это, Сяо Чжочин замер на

полуслове.

Забыл. Этот император домашнюю работу не делает.

Впрочем, неважно. Он задает уроки по долгу службы, а дальше пусть пеняет на себя.

Однако не успел он застегнуть коробку и собраться на выход, как сидевший на высоком возвышении правитель неожиданно подал голос:

– Забери эту вещь.

Сяо Чжоцин оглянулся. Фусюэ уже держал в руках книжный короб, и на абсолютно пустом письменном столе оставалась лишь та самая цитра «Весенний гром», которую оставил Ши Сюцзе.

В недоумении подняв взгляд, Сяо Чжоцин увидел, что император перелистывает страницы книги и вовсе не смотрит на него.

– Ваше Величество, эта цитра принадлежит не этому подданному, – пояснил он.

– Забери, – повторил Фэн Юаньси.

Это...

Сяо Чжоцин и впрямь был равнодушен к этому инструменту.

Но благородный муж не отнимает у других то, что им дорого; тем более что у цитры есть хозяин, а здесь она осталась лишь потому, что ее владелец временно отсутствовал.

Стоявший рядом Ло Хэюй шепотом подсказал:

– Господин Сяо, благодарите же за милость!

Пока Сяо Чжоцин колебался, Фэн Юаньси перевернул страницу трактата и снова заговорил:

- Не возьмешь – разобью ее.

Древняя реликвия прошлых династий, прославленная на весь мир цитра – разве можно так легко разбрасываться подобными вещами?!

Забыв поразмыслить над тем, с каких пор Фэн Юаньси стал столь страстным любителем чтения, Сяо Чжочин торопливо сделал два шага вперед, наклонился и бережно поднял «Весенний гром».

- Этот подданный... благодарит Ваше Величество за щедрый дар.

Уголки губ за книжными страницами едва заметно дрогнули, но Фэн Юаньси больше не произнес ни слова.

Получив столь ценный дар безо всяких на то оснований, Сяо Чжочин чувствовал легкое головокружение. Выйдя из зала двора Изогнутой Террасы в объятиях теплого солнца, он все еще ощущал некоторую нереальность происходящего.

Лежавший на его руках «Весенний гром» излучал мягкое тепло древнего дерева, рукава задевали струны, и ноша казалась приятно тяжелой.

Неподалеку вновь показался Ши Сюцзе, шествовавший во главе внушительной процессии.

В отличие от своего прежнего горделивого вида, на сей раз Ши Сюцзе выглядел так, будто готовился отразить нападение врага; его сопровождал целый отряд гвардейцев из Управления золотых стражей – явно для самозащиты.

Наряд чиновника сегодня выглядел несколько странно: хотя на нем и было официальное платье, черную чиновничью шапку он нахлобучил донельзя плотно. В лучах солнца сквозь прорези головного убора порой пробивался матовый блеск нефрита, создавая впечатление, будто шпильку для волос он прикрепил прямо под шапкой.

Столкнувшись нос к носу, Ши Сюцзе вперил взгляд в носу Сяо Чжочина, и лицо его исказилось от ярости.

Тут-то Сяо Чжоцин наконец разглядел «нефритовую шпильку» под черной шапкой Ши Сюцзе.

Оказалось, что это вовсе не украшение, а голые клочки белой кожи на месте вырванных с мячом волос.

Сяо Чжоцин извиняющимся движением отвел взгляд.

- Что это у тебя в руках?! - прошипел Ши Сюцзе, не сводя глаз с его ноши.

Шедший позади Сяо Чжоцина Фусюэ расправил плечи и выпалил с выразительной интонацией:

- Это дар самого императора! Знаменитая цитра «Весенний гром», которую Ваше Величество пожаловал нашему молодому господину!

Пожаловал? Да разве это его вещь, чтобы раздавать налево и направо?!

У Ши Сюцзе глаза налились кровью, грудь тяжело вздымалась, а взгляд, устремленный на Сяо Чжоцина, был достоин злейшего врага.

В конце концов, благородный муж не потому не зарится на чужое, что владелец вещи плох.

Под яростным взором Ши Сюцзе Сяо Чжоцин развернул цитру горизонтально и придержил ее обеими руками.

Благородный муж - словно чистый нефрит, исполненный изящества и достоинства. От одного этого зрелища Ши Сюцзе задохнулся от гнева и рявкнул:

- Подумаешь, какая-то цитра! Раз отдал тебе, так и забирай, эка невидаль! Мне она и даром не сдалась!

Собирающийся было сделать шаг вперед и вернуть вещь законному владельцу Сяо Чжоцин: - ...

Словно желая придать своему уходу больше изящества, Ши Сюцзе яростно взмахнул рукавом и зашагал прочь, но, проходя мимо, намеренно задел Сяо Чжоцина плечом.

Струна «Весеннего грома» скользнула по рукаву Сяо Чжоцина, издав чистый, звенящий звук - пожалуй, даже более приятный, чем то бречание, что издавал сам Ши Сюцзе в тот день.

Ши Сюцзе: – ...

Багровый от гнева, он зашагал еще быстрее.

Фусюэ же, стоя за спиной Сяо Чжоцина, едва сдерживал смех – его губы искривились почти до самого подбородка.

– Маленький слуга поздравляет молодого господина! И поздравляет «Весенний гром»!

– Кого ты поздравляешь? – Сяо Чжоцин решил, что ослышался.

– Поздравляю «Весенний гром»! – хихикнул Фусюэ. – Поздравляю с тем, что он наконец встретил истинного хозяина и избавился от угрозы быть замученным этим тупицей! Разве молодой господин не слышал? Только что, когда господин Ши проходил мимо, «Весенний гром» прямо-таки умолял его проваливать поскорей!

– *

Проведя в храме Дали несколько дней, Сяо Чжоцин так и не обнаружил в делах ничего стоящего внимания.

Все поступавшие к нему свитки повествовали лишь о давнишних происшествиях трехмесячной давности.

В те времена, когда при дворе еще заседал великий наставник Цзян, в храм Дали стекались главным образом жалобы на падение нравов среди чиновников: то какой-нибудь сановник забросил законную жену ради любимой наложницы, то предавался пьянству и разврату в веселых домах, а то и вовсе являлся на утренний доклад в криво надетой шапке.

Единственное серьезное дело располагало неопровержимыми уликами, обвиняемый во всем сознался и уже отбывал ссылку в Линнань.

Сяо Чжоцин ничуть не спешил.

Он только-только поступил в храм Дали, а Лян Куо – та еще лиса, наверняка отрядил за ним слежку.

Делая вид, что ничего не замечает, Сяо Чжоцин изо дня в день усердно разбирал архивы,

вникал в порядок ведения дел, а в свободные минуты занимался личными делами в стенах ведомства – например, готовился к урокам для императора.

Он методично разъяснял императору «Книгу исторических преданий». Фэн Юаньси по-прежнему пренебрегал домашней работой, то появляясь, то исчезая, к чему Сяо Чжочин постепенно привык.

Однако, видя Фэн Юаньси в зале двора Изогнутой Террасы, он неизменно вспоминал слова Ван Юаня об этом человеке.

Что же все-таки нужно сделать, чтобы исцелить Фэн Юаньси?

Несколько дней спустя Чжаое вновь принес известия от Ван Юаня.

Прихватив тот самый мешочек-благовоние, Ван Юань действительно отыскал в поместье князя биологического отца.

Чжаое выглядел встревоженным, но Сяо Чжочин остался совершенно спокоен. В конце концов, родной отец Ван Юаня и впрямь обитал в резиденции князя Лянь, и как бы ни менялся сюжет, этого факта было не изменить.

– Какое счастье, что Ван Юань, хоть и заявился в княжеский опекунский дом, но отцом его оказался вовсе не князь Лянь! – с облегчением выдохнул Чжаое, все еще не отойдя от пережитого страха.

Сяо Чжочин едва заметно кивнул.

Все верно, отцом Ван Юаня был вовсе не князь Лянь.

В те годы князь Лянь действительно сопровождал императора Тай-цуна в поездках по Цзяннаню. Тай-цун тогда жаловал его особой милостью, осыпая непрерывными дарами, и тот кусок атласного полупарчового полотна с узором из тыкв-горлянок был лишь захудалым подарком среди прочих императорских милостей.

При погрузке свитков один угол ткани случайно зацепился и порвался, и княгиня Лянь, брезгливо поморщившись, велела отдать испорченный отрез сопровождающей челяди.

Этим слугой оказался Ван Цяньжуй – родной отец Ван Юаня.

Будучи вечным неудачником, провалившим не один экзамен, он за счет своей изворотливости сумел пробиться в число советников при княжеском дворе.

Однако в ту пору в резиденции князя Лянь хватало и более ярких талантов, а туговатый на ум Ван Цяньжуй не блистал выдающимися способностями, так что остался не у дел, довольствуясь лишь незначительной должностью за преданность и усердие.

По сей день он продолжал числиться обычным домочадцем князя Лянь.

Сопровождая господина в южных землях, он предавался утехам с блудницами и, хвастаясь на прогулочной лодке перед девицами легкого поведения, обронил собственный кисет.

Тот самый кисет, который теперь хранил у себя Ван Юань.

Сяо Чжочин целиком изучил книгу и прекрасно знал, что подобный поворот сюжета был введен автором ради пущей драматичности.

Не будучи княжеским отпрыском, но поселившись в его доме, добившись высокого положения, женившись на княжеской дочери и заслужив большее доверие князя, чем законный наследник – вот что поистине означало название «Попирающий князей».

Вот только создатель сего романа вряд ли предполагал, что подобные сюжетные ходы окажутся на руку самому Сяо Чжочину.

Сможет ли изгнанный и презираемый князем Лянь Ван Юань и дальше следовать по пути легкого успеха, как то было описано в романе?

– Продолжай наблюдение, – бесстрастно бросил Сяо Чжочин, кивнув Чжаое.